

Лебедев А. П. Берлинский профессор церковной истории Адольф Гарнак и возбужденные им в настоящее время споры по поводу символа Апостольского // *Богословский вестник* 1893. Т. 4. № 11. С. 308–344 (2-я пагин.). (Начало.)

Берлинскій профессоръ церковной исторіи Адольфъ Гарнакъ и возбужденные имъ въ настоящее время споры по поводу символа Апостольскаго*).

I. (1) „Вѣрую въ Бога, всемогущаго (Вседержителя) Отца, Творца неба и земли. II. (2) И во Иисуса Христа, Его Единороднаго Сына, нашего Господа, (3) зачатаго отъ Св. Духа, рожденнаго отъ (ex) Маріи Дѣвы, (4) страдавшаго при Понтіи Пилатѣ, распятаго, умершаго и погребеннаго, (5) снишедшаго во адъ, (6) въ третій день воскресшаго изъ мертвыхъ, (7) вознесшагося на небо, съдищаго одесную Бога Отца: (8) откуда Онъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. III. (9) Вѣрую во Святаго Духа, (10) святую каолическую церковь, общеніе святыхъ, (11) оставленіе грѣховъ, (12) воскресеніе плоти и вѣчную жизнь“.

Апостольскій символ**).

Споры въ протестантской Германіи по поводу Апостольскаго символа возникли назадъ тому годъ съ нѣсколькими мѣсяцами. Съ самаго же начала они получили необычно-

*) Литература предмета:

A) Гарнак, ординарный профессоръ Берлинскаго университета: *Das Apostolische Glaubensbekenntniss. Ein geschichtlicher Bericht nebst einem Nachwort.* Деятнадцатое изданіе, умноженное прибавками. Berl., 1892.

B) Литература учениковъ и сторонниковъ Гарнака:

1) Achelis, ординарн. профессоръ теологіи въ Марбургскомъ университетѣ: *Zur Symbolfrage. Zwei Abhandlungen.* Berl., 1892.

2) Vogelsmann, профессоръ, лиценціатъ теологіи, духовный инспекторъ въ монастырѣ (? am Kloster) въ Мардбургѣ: *Der Streit um das Apostolikum.* Третье изданіе. Magdeb. 1893.

венную силу и жаръ. Полемика не прекратилась еще и въ настоящее время.

Ближайшимъ поводомъ къ возникновенію этихъ споровъ послужило слѣдующее.

При одной сельской церкви Виртембергскаго королевства пасторомъ состоятъ нѣкто Христофоръ Шремпфъ (Schrempf), человѣкъ, судя по отзывамъ, прекрасный

3) Bertling, профессоръ. *Zur Wahrheit, zur Gerechtigkeit und zum Frieden! Ein Wort zum Harnackschen Streit.* Leipz. 1892.

4) Von Soden, баронъ, проповѣдникъ и привать-доцентъ въ Берлинѣ: *Und Frieden auf Erden. Ein Wort zum Streit ums Apostolikum.* Berl., 1892.

5) Battenberg, лютеранскій городской пасторъ во Франкфуртѣ на М.: *Der Fall Harnack in seiner Bedeutung und Tragweite.* Leipz. und Frankf. an. M. Безъ обозначенія года. Судя по догадкамъ, 1892.

6) Безымянное. *Das Apostolische Glaubensbekenntniss vor dem Forum der Wissenschaft.* 2-te Aufl. Leipz. 1893.

В) Литература противниковъ и возражателей Гарнака:

7) Cremer, ордин. профессоръ теологій въ Грейфсвальдскомъ университетѣ: *Zum Kampf um das Apostolikum. Eine Streitschrift wider D. Harnack.* Шестое изданіе. Berl. 1893.

8) Cremer, тотъ-же: *Warum können wir das Apostolische Glaubensbekenntniss nicht aufgeben? Zweite Streitschrift zum Kampf um das Apostolikum.* Berl., 1893.

9) Lemme, ордин. проф. теологій въ Гейдельбергскомъ университетѣ: *Das Recht des Apostolischen Glaubensbekenntniss und seine Gegner.* Heidelb., 1893.

10) Zahn, ордин. проф. теологій въ Браунсв.: *Das Apostolische Symbolum. Eine Skizze seiner Geschichte.* 2-te Aufl. Erlang. und Leipz., 1893.

11) Grau, ордин. проф. теологій въ Кенигсбергѣ: *Woraus es in dem Streit um das Apostolikum ankommt.* Gütersloh, 1893.

12) Collmann, профессоръ: *Das Apostol. Glaubensbekenntnisse und seine Bestreiter.* Leipz., 1893.

13) Thieme, привать-доцентъ: *Aus der Geschichte des Apostolikums.* Leipz., 1893.

14) Burk, прелатъ (?) въ Штуттгартѣ: *Das Apost. Glaubensbek.* Stuttg., 1893.

15) Bauerfeind, сибиринтентендентъ въ Улау: *Eine Antwort auf des A. Harnack „Apostol. Glaubensbekenntniss“.* Gütersloh, 1893.

16) Taubert, Oberpfarrer въ Реннвальдѣ: *Offener Brief an Prof. Harnack in Sachen des Apostolikums.* Güterl., 1893.

17) Lüdeke, пасторъ въ Зее-Буковѣ: *Das Apostol. Glaubensbek. und Prof. Harnack.* Köstlin, 1892.

18) Wuycken, пасторъ въ Эдерсбахѣ: *Um das handelt es sich beim Fall Harnack? Eisenach,* 1893.

19) Hahn, пасторъ въ Ревальѣ: *„Wie dünket euch um Christo? Wess Sohn ist Er?“ Offener Brief an A. Harnack.* Leipz., 1892.

во всѣхъ отношеніяхъ: онъ былъ хорошо образованъ, отличался ученостью, извѣстенъ былъ и какъ писатель; нравственные качества его заслуживали всякой похвалы. Какъ человѣкъ честный и правдивый, Шремфъ при самомъ вступленіи въ должность протестантскаго пастора заявилъ надлежащимъ духовнымъ властямъ, что онъ питаетъ сомнѣнія относительно Апостольскаго символа, такъ какъ не со всѣми истинами, здѣсь изложенными, соглашался онъ. А нужно замѣтить Апостольскій символъ имѣетъ очень большое значеніе въ нѣмецкомъ протестантскомъ мірѣ: этотъ символъ читается при крещеніи дѣтей, произносится при конфирмаціи, оглашаетъ слухъ протестантовъ за воскреснымъ богослуженіемъ и признается въ качествѣ нормы

20) Knauer, пасторъ: Zwei Beiträge zur Schlichtung des Streites um das Apostolikum. Eisenach, 1893.

21) Wohlenberg, пасторъ: Empfangen vom heiligen Geist, geboren von der Jungfrau Maria. Eine Schutzschrift. Leipz., 1893.

22) Rendtorff, монастырскій (? Kloster=) проповѣдникъ въ Цреетцѣ: Das Apostolikum. Eine Verantwortung aus Anlass der neuesten Streitigkeiten. Gotha, 1893.

23) Iohnsen, P (astor?) Credo! Apologie des Kirchen-Bekenntnisses. Braunschw. und Leipz., 1892.

24) Massow: Die Gottheit Christi. Erwiderung eines Laien auf die Schrift des Prof. Harnack: Das Apost. Glaubensbek. Güterl., 1893.

25) Walch: Das Apostol. Glaubensbek. nach seiner biblischen Begründung. Dessau, 1893.

Въ эти изданія ниже мы будемъ цитировать, при чемъ въ видахъ краткости станемъ указывать лишь имя автора и страницы его сочиненія.

***) Такъ какъ Апостольскій символъ мы будемъ ниже цитировать и такъ какъ иногда такая цитация будетъ указывать на тотъ или другой членъ символа безъ приведенія самаго текста (во-избѣжаніе многократнаго повторенія однихъ и тѣхъ же словъ), то мы сочли за нужное пояснить текстъ символа сполна въ началѣ же статьи: читателю такимъ образомъ открывается возможность, въ случаѣ нужды, воспроизвести точныя слова того или другого члена. Мы раздѣлили текстъ символа римскими цифрами на три части, а обычными (арабскими) цифрами на 12 частей, потому что писатели, которыми мы будемъ пользоваться впоследствии, дѣлятъ его на три или же на 12 членовъ.—Какъ извѣстно, текстъ Апостольскаго символа читается въ разныхъ редакціяхъ неодинаково; въ виду этого мы приводимъ выше такой текстъ этого символа, какой находится въ римскомъ катехизисѣ XVI вѣка и въ символическихъ книгахъ первоначальнаго протестантства и какой наиболее принятъ въ протестантскомъ мірѣ (Zahn. S. 48—49. Harn. S. 4).

вѣроученія каждыиъ теологомъ, принимающимъ на себя должность пастора. Но какъ ни велико значеніе Апостольскаго символа, духовная власть, снисходя къ слабостямъ человѣческимъ, возвела Шремпфа въ достоинство пастора, возвела—въ томъ упованіи, что время и самое служеніе указаннаго лица помогутъ ему утишить сомнѣнія и укрѣпить вѣру. По этимъ надеждамъ не суждено было оправдаться. Пасторское служеніе не развѣяло сомнѣній Шремпфа. Прошло семь лѣтъ, какъ онъ вступилъ въ должность, тѣмъ менѣе недовѣріе къ символу не прекращалось. Тогда Шремпфъ рѣшился на очень смѣлый и непохвальный шагъ: онъ не сталъ употреблять Апостольскаго символа при таинствѣ крещенія и началъ крестить просто во имя Господа нашего Иисуса Христа. Впрочемъ онъ не дѣлалъ тайны изъ своихъ дѣйствій: скептикъ—пасторъ какъ своему приходу, такъ и духовному начальству объявилъ, что и впредь онъ будетъ поступать точно такъ же. Возникло дѣло въ Виртембергской консисторіи. Это духовно-административное учрежденіе не только не позволило Шремпфу отступать отъ принятыхъ церковныхъ обычаевъ, но и самаго вольнодумнаго пастыря лишило должности. Шремпфъ вдругъ такимъ образомъ и съ женой и съ дѣтьми остался безъ куска хлѣба. Конечно, тѣмъ все и кончилось бы, еслибы отрѣшенный отъ должности Шремпфъ не нашелъ себѣ сочувствія и поддержки въ издателѣ очень распространеннаго и вліятельнаго журнала подъ заглавіемъ: „Христіанскій міръ“ (Christliche Welt). Издатель этого журнала пасторъ Д-г Раде принялъ сторону потерпѣвшаго, какъ по сочувствію къ его несчастному положенію, такъ и по согласію въ убѣжденіяхъ съ нимъ. Раде началъ писать статью за статьей въ своемъ журналѣ въ защиту Шремпфа. Сотрудники журнала послѣдовали примѣру издателя. Все это случилось въ началѣ лѣта прошедшаго года (1892) года. Дѣло Шремпфа возбудило толки и шумъ въ обществѣ.

Выступаетъ на сцену Адольфъ Гарнакъ... Подъ вліаніемъ газетнаго шума и общественныхъ толковъ, возникаютъ волненія между студентами богословскаго факультета въ Берлинѣ. Наконецъ большинство ихъ, опираясь на согласіе въ этомъ случаѣ студентовъ теологіи другихъ прусскихъ университетовъ, отправили депутацію къ своему извѣст-

ному въ наукѣ и популярнѣйшему профессору Гарнаку, прося его дать имъ совѣтъ по слѣдующему случаю: студенты теологіи въ Берлинѣ рѣшились вмѣстѣ съ другими учащимися прусскими теологами подать коллективную петицію въ евангелическій оберкирхенратъ о томъ, что бы на будущее время исключили такъ называемый Апостольскій символъ и изъ богослужебной практики и изъ присяжнаго листа духовныхъ лицъ; имѣютъ ли они право выступить съ такой петиціей—спрашивали студенты у Гарнака. Профессоръ обѣщалъ дать свой отвѣтъ на ближайшей лекціи въ зданіи университета. Дѣло происходило лѣтомъ того же года, когда послѣдовала отставка Шремфа отъ должности, и когда въ Берлинѣ продолжался еще такъ называемый лѣтній учебный семестръ въ университетѣ. Въ это время Гарнакъ излагалъ своимъ слушателямъ исторію церкви XIX вѣка. Чтобы тѣснѣе связать свой отвѣтъ на вопросъ студентовъ съ курсомъ своихъ лекцій, профессоръ темой для лекціи взялъ одинъ эпизодъ изъ прусской церковной исторіи 1846 года, эпизодъ, касающійся вопроса о церковныхъ символахъ. Гарнакъ разсказалъ съ каеодры о томъ, какъ назадъ тому почти 50 лѣтъ (въ указанномъ году) прусскій генеральный синодъ большинствомъ голосовъ опредѣлилъ составить новый присяжный листъ для лицъ, поступающихъ въ пасторы, и въ этомъ листѣ уже былъ исключенъ Апостольскій символъ, такъ какъ находили, что онъ содержитъ частію слишкомъ много, частію слишкомъ мало. Новый этотъ присяжный листъ не вошелъ въ практику только потому, что его не согласился утвердить тогдашній король. Разъяснивъ эту исторію, профессоръ далъ отвѣтъ и на вопросъ, предложенный ему студентами; онъ заявлялъ, что вполне раздѣляетъ мнѣніе ихъ о необходимости отмѣнить Апостольскій символъ, но при этомъ разъяснилъ имъ, что обращаться съ подобною петиціею въ высшее духовно-административное учрежденіе не ихъ дѣло. „Дѣло студентовъ учиться, а не заниматься агитаціею“—такъ иллюстрируетъ мысль Гарнака одинъ изъ повѣствователей о событіи и иллюстрируетъ ее резонно (Battenberg, S. 22). Давъ отвѣтъ устно въ аудиторіи тѣмъ изъ студентовъ, которые присутствовали на лекціи, для прочихъ вопрошавшихъ, Гарнакъ изготавилъ письменно свой отвѣтъ, составлявшій

резюме его лекціи. Такимъ путемъ онъ надѣялся избѣгнуть перетолкованій и извращеній его словъ ¹⁾).

Но Гарнакъ обманулся. По его словамъ, на его лекцію посыпалось великое множество клеветъ. Чтобы положить конецъ такому теченію дѣла, онъ рѣшился напечатать свой отвѣтъ студентамъ, что первоначально не входило въ его планы. Но это еще болѣе подлило масла въ огонь. „Отвѣтъ“ Гарнака появился въ журналѣ: „Христіанскій міръ“ (№ 34, 1892 г., отъ 18 августа нов. стиля). Статья эта изложена авторомъ въ видѣ тезисовъ. Сдѣлаемъ болѣе или менѣе значительныя извлеченія изъ этой Гарнаковой статьи:

Гарнакъ писалъ. „Я раздѣляю взглядъ спрашивавшихъ меня, что для евангелической церкви было бы прилично ввести вмѣсто Апостольскаго символа или рядомъ съ нимъ другой краткій символъ, который наиболѣе соотвѣтствовалъ бы теперешнему пониманію Евангелія и который устранилъ бы тотъ соблазнъ, какой возбуждается буквой Апостольскаго символа во многихъ серьезныхъ и искреннихъ христіанахъ, мірянахъ и лицахъ духовныхъ. Поэтому, мало по малу наши усилія должны направляться къ тому, чтобы или устранить Апостольскій символъ лишь изъ церковнаго употребленія или же по крайней мѣрѣ сохранить за приходами право не пользоваться имъ и замѣнить его другимъ евангелическимъ исповѣданіемъ вѣры. Но эти усилія только тогда могутъ разсчитывать на успѣхъ, когда краткое вѣроизложеніе, которымъ пожелаютъ замѣнить или восполнить Апостольскій символъ, такъ будетъ формулировано, что оно своимъ образомъ и силою будетъ стоять выше древняго. —Принятіе Апостольскаго символа въ его буквальный смыслъ не можетъ считаться свидѣтельствомъ христіанской и теологической зрѣлости; напротивъ, дѣйствительно зрѣлый, проникающій въ разумъ Евангелія и образованный по части церковной исторіи, христіанинъ долженъ испытывать затрудненія, при встрѣчѣ со многими положеніями этого символа. Впрочемъ отъ зрѣлаго и образованнаго теолога можно ожидать, что онъ съумѣетъ, насколько это воз-

---

¹⁾ Все вышеизложенное можно находить у Harnack'a, S. 35—36, 44; Wyncken'a, S. 6, Rendtorff'a, S. 6—8, Bornemann'a S. 52—3, 40, Battenberg'a, S. 17—18.

можно, найти въ Апостольскомъ символѣ древнее свидѣтельство для собственной своей вѣры“. Но затѣмъ Гарнакъ даетъ понимать, что и зрѣлый теологъ не можетъ истолковывать Апостольскій символъ такъ, что бы онъ вполне мирился съ просвѣщенной мыслию его. Къ числу положеній символа, съ которыми не можетъ примиряться современный теологъ, Гарнакъ относитъ такіа изреченія, какъ: (вѣрую въ) „воскресеніе плоти“, Зачатаго отъ св. Духа и Рожденнаго отъ Маріи Дѣвы“. Первое изъ сойчасъ указанныхъ изреченій, по Гарнаку, противорѣчитъ ученію апостола Павла, а второе онъ считаетъ соблазнительнымъ потому, что здѣсь, какъ фактъ утверждается, то, что „представляется невѣроятнымъ для многихъ вѣрующихъ христіанъ“. Въ особенности въ последнемъ случаѣ „заключается, по Гарнаку, дѣйствительная бѣда для всякаго искренняго христіанина, который хотѣлъ бы пользоваться этимъ символомъ, какъ выраженіемъ своей вѣры, но который не можетъ убѣдить себя въ истинности словъ: „Зачатаго отъ Св. Духа“ и пр. Затѣмъ Гарнакъ задается вопросомъ, какъ поступать при встрѣчѣ съ подобнымъ затрудненіемъ — и отвѣчаетъ. „Простѣйшій выходъ изъ затрудненія былъ бы тотъ, если бы лица духовныя, не признающія сойчасъ указаннаго члена символа, оставляли духовное званіе, а міряне, находящіяся въ такомъ же положеніи, покидали церковь. Въ самомъ дѣлѣ поступать противъ совѣсти нельзя, ибо въ высшей степени ужасно поступать вопреки совѣсти. Но нужно сказать, что подробная добросовѣстность не можетъ быть всеобщимъ закономъ. Еслибы ради несогласія съ какимъ нибудь членомъ символа, въ особенности не относящимся къ центральнымъ истинамъ христіанства, каждый сталъ бы покидать церковь, въ которой онъ возродился, поучался и во внутренней жизни которой онъ принималъ участіе, то пожалуй совсѣмъ не было бы и церкви. Ибо возможно ли поставить церковное ученіе и культъ такъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не противорѣчили бы чѣму-либо убѣжденію, ни въ комъ не возбуждали соблазна? Да и мыслимо ли, чтобы такого рода постановленія всегда соотвѣтствовали прогрессивному пониманію христіанства? Отнюдь нельзя считать безсовѣстнымъ того человѣка, — хотя бы онъ былъ и духовнымъ руководителемъ народа, того человѣка, ко-

торый продолжалъ бы пребывать въ церкви, не смотря на то, что въ томъ или другомъ пунктѣ ученія онъ не согласенъ съ церковію. Такой поступокъ находитъ нравственное оправданіе (!). Впрочемъ такое нравственное оправданіе известный теологъ можетъ находить при слѣдующихъ условіяхъ: а) если онъ согласенъ съ своей церковію въ главныхъ воззрѣніяхъ; б) если онъ не дѣластъ тайны изъ того, съ чѣмъ онъ не соглашается, — тайны для тѣхъ, кто способенъ его понимать, хотя бы то было лицо ему враждебное; в) въ тѣхъ границахъ, какія опредѣляются его призваніемъ, онъ обязанъ дѣйствовать къ устраненію затрудненія, къ устраненію самой причины соблазна. Только при такихъ условіяхъ онъ сохраняетъ добрую совѣсть. Способы въ этомъ случаѣ могутъ быть различны, смотря по профессіи и способностямъ“. — „Что касается вопроса о томъ, могутъ ли студенты теологін, пока они учатся теологін, принимать попеченія о своемъ будущемъ, вмѣшиваться въ движенія по поводу Апостольскаго символа, то я даю отвѣтъ отрицательный на слѣдующихъ основаніяхъ: во первыхъ, по моему мнѣнію, студенты вообще должны удерживаться отъ публичнаго заявленія мнѣнія по такимъ вопросамъ, какъ настоящій; во вторыхъ, въ противномъ случаѣ болѣе зрѣлые (?) студенты увлекутъ за собой начинающихъ и младшихъ, которые потомъ и очень скоро могутъ горько раскасаться въ своихъ поступкахъ“. Затѣмъ Гарнакъ даетъ студентамъ теологін два совѣта: прилежитѣ изучать исторію догмы и символику, чтобы получить правильное пониманіе первоначальнаго смысла тѣхъ или другихъ символовъ; а потомъ — если у нихъ укрѣнятся религіозныя воззрѣнія, противныя такъ называемымъ преданіямъ, то они, принявши уже на себя должности, обязаны стараться о проведеніи такихъ убѣжденій въ жизнь; „тогда-то и наступитъ золотое время для церкви Іусуса, и тогда-то будутъ уничтожены тѣ затрудненія, которыя испытываются теперь“. Къ „Отвѣту“ Гарнакъ сдѣлалъ краткое приложение (Anhang), въ которомъ указываетъ, какой смыслъ слѣдуетъ соединять съ Апостольскимъ символомъ, чтобы онъ не возбуждалъ соблазна въ душахъ „зрѣлыхъ“ христіанъ, и тѣмъ самымъ начертываетъ образецъ того краткаго символа, которымъ могъ бы быть замѣненъ „Апостоликумъ“ для протестантовъ.

„Существенное содержаніе Апостольскаго символа—пишетъ Гарнакъ—состоитъ въ исповѣданіи слѣдующихъ истинъ: что въ христіанской религіи дарованы такія блага—*святая церковь, оствлєніє грѣховъ, вѣчная жизнь*, что обладаніемъ этими благами мы одолжены вѣрѣ въ Бога, всемогущаго Творца, въ Сына Его Іисуса Христа и во Святаго Духа и что они (т. е. блага) уготованы чрезъ Іисуса Христа, Господа нашего“.

Само по себѣ понятно, что такого рода печатный „Отвѣтъ“ Гарнака нисколько не могъ успокоить встревоженные умы. Даже сами приверженцы берлинскаго профессора находятъ, что „нѣкоторые обороты его „Отвѣта“ или невразумительны или неосторожны и чрезъчуръ сильны“ (Vogelmann, S. 55). Примѣшалось притомъ же одно обстоятельство, которое увеличило и безъ того большой общественный шумъ. Случайно или же преднамѣренно, но только въ томъ же номерѣ „Христіанскаго міра“, гдѣ напечатана статья Гарнака, появилась еще статья самого издателя Радэ, написанная въ томъ же духѣ, какъ и статья берлинскаго профессора, но болѣе энергическая и рѣзкая. Радэ возвращается къ дѣлу настора Шремифа, и защищая его дѣлаетъ рѣшительныя нападки на церковную протестантскую власть. Приведемъ нѣкоторые отрывки изъ статьи издателя „Христіанскаго міра“. Радэ писалъ: „дѣло Шремифа есть обвинительный актъ противъ всѣхъ тѣхъ, кто облочены церковно-административною властію въ евангелической церкви, въ томъ, что они довели дѣла до такого состоянія. Эти синоды, наприм.—пишетъ авторъ,—должны бы были выраженіемъ жизнєдѣятельности церковнаго общества! А вмѣсто того, они тратятъ дорогое время на то, для приведенія въ порядокъ чего достаточно было бы почерка пера какого нибудь разсудительнаго члена консисторіи, и оставляютъ безъ вниманія важнѣйшіє новѣйшіє кризисы и конфликты. Они заняты только отцѣживаніемъ комарова и проглатываніемъ верблюдовъ“! Затѣмъ Радэ въ отдѣльныхъ положеніяхъ выражаетъ свои *ria desideria* по отношенію къ управленію дѣлами протестантской церкви. Онъ изрекаетъ: „Повѣйшая теологія идетъ своимъ путемъ и будетъ имъ идти. Ея шероховатости будутъ исправляться ея собственной работою. Историко-критическая наука останется всегда тѣмъ,

чѣмъ она есть; поскольку она наука, она и не можетъ быть ничѣмъ другимъ. Новѣйшая теологія истинная дочь реформаци и оказала церкви настоящаго времени общепризнанныя услуги... (?) Никакое церковное правительство, никакой синодъ или синодское опредѣленіе не въ состояніи поставить препятствій въ ея дѣланіи. Могутъ, пожалуй, попытаться передать образованіе нашего духовенства въ другія руки, но удалить его изъ подъ вліянія теологической науки имъ не удастся: вліяніе науки будетъ тогда еще могущественнѣе и сдѣлается еще опустошительнѣе (!). Появится замѣчательный профессоръ, выдающаяся книга — и всѣ ограниченія церковно-административной мудрости потерпятъ крушеніе. Мы серьезно понимаемъ важность воспитанія членовъ нашего церковнаго общества и доведенія ихъ до духовнаго совершенствія. Для этого нужны авторитеты, а такими и будутъ пасторы, духовные сановники и профессора, если они не только будутъ знать истину, но и сами высказывать ее и другимъ позволять дѣлать такъ же. Наука не даетъ намъ вѣры (церковной). Она устраняетъ одни препятствія и создаетъ другія. Но кто бранить науку, какъ будто она корень всего зла, тѣ не могутъ дать намъ правой вѣры“ и проч.

„Лишь только сдѣлалась извѣстною статья Радэ и главнымъ образомъ печатный „Отвѣтъ“ Гарнака — замѣчаетъ Баттенбергъ (S. 28), какъ со всѣхъ сторонъ, и въ особенности съ консервативныхъ сѣвера и востока Германіи посыпались протестаціи и потѣкъ потокъ большею частію ѣдкихъ возраженій“. „Война изъ-за Апостольскаго символа — заявляетъ другой авторъ (Rendtorff, S. 11) возгорѣлась по всей линіи“. При видѣ этой войны третій авторъ выразилъ небезосновательное желаніе слѣдующаго рода: „было бы поистинѣ весьма желательно, чтобы для церковнаго спора былъ изобрѣтенъ бездымный порохъ“ (Vornemann, S. 56). Это значить, что и для самихъ пѣмцевъ не все ясно въ ожесточенномъ спорѣ о невиннѣйшемъ произведеніи христіанской древности.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ появленія „Отвѣта“ Гарнака и статьи Радэ, какъ редакція „Христіанскаго міра“, которая съ самаго начала принимала такое живое участіе въ спорѣ, напечатала коллективное заявленіе ея сотрудни-

ковъ съ Гарнакомъ во главѣ, въ которомъ еще разъ и определеннѣе выражается -- чего именно хотятъ приверженцы Гарнака и сотрудники упомянутаго журнала, когда дѣло идетъ о символѣ Апостольскомъ. Мы не знаемъ, съ какою цѣлю сдѣлано было это заявленіе, или точнѣе сказать: чѣмъ оно было вызвано. Заявленіе (Erklärung) коротко, и потому мы можемъ помѣстить его цѣликомъ

„Многочисленныя церковныя протестаціи, вызванныя недавно появившимся „Отвѣтомъ“ Гарнака по поводу Апостольскаго символа, вынуждаютъ нижеподписавшихся, сторонниковъ и сотрудниковъ „Хр. міра“, собравшихся въ Ейснахѣ, сдѣлать слѣдующее заявленіе: 1) Мы не думаемъ о томъ, чтобы лишить евангелическую церковь т. н. Апостольскаго символа; но мы не соглашаемся съ тѣмъ, что будто значеніе этого символа и его церковное употребленіе въ юридическомъ смыслѣ обязываетъ какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, къ принятію всѣхъ его отдѣльныхъ положеній. Евангелическимъ христіаниномъ называется тотъ, кто въ животѣ и смерти возлагаетъ свое упованіе единственно на Господа своего Иисуса Христа; мы хотимъ, что бы вмѣсто несангелскаго перетряхиванія (Rochen) отдѣльныхъ вѣроисповѣдныхъ тезисовъ, эта несомнѣнная мысль евангелическаго христіанства была открыто признана, какъ таковая. 2) Эта правая евангелическая вѣра сама по себѣ заключаетъ право и обязанность давать значеніе добросовѣстной и правдивой наукѣ также и въ церкви, не исключая отношеній къ преданіямъ церковнаго прошлаго. 3) Поэтому, мы считаемъ за тяжкое смущеніе совѣсти, если наприм. въ одномъ официальномъ заявленіи протеста значится: „что Сынъ Божій, *зачатъ отъ Духа Святаго, рожденъ отъ Маріи Дѣвы*, это есть основаніе христіанства, есть краеугольный камень, о который сокрушается вся мудрость вѣка сего“. Ни Писаніе, ни евангелическія символическія книги не приписываютъ этому, заключающемуся въ первомъ и третьемъ Евангеліяхъ, разсказу такого по отношенію къ вѣрѣ *рѣшительнаго* значенія. Въ спасительной проповѣди Иисуса и его учениковъ не находится никакого указанія на этотъ разсказъ. Поэтому, нужно признать извращеніемъ вѣры и смущеніемъ совѣсти, если во имя Писанія и символическихъ книгъ выставляется ут-

вержденіе, которое на нихъ не опирается. Эйзенахъ, 5 октября, 1892 г. " (Christl. Welt, № 42. Battenberg, S. 30 — 31). Подъ заявленіемъ подписалось, кромѣ издателя Радэ и Гарнака, много лицъ, между которыми значится немало именъ выдающихся профессоровъ теологіи. Вотъ имена подписавшихся въ алфавитномъ порядкѣ: проф. Ахелисъ (въ Марбургѣ), профес. Ліс. Баумгартенъ (Гена), соборный діаконъ (Domdiakon) Виторнъ (Мерзебургъ), проф. Борнеманнъ (Магдебургъ), пасторъ Бурбахъ (Гота), пасторъ Клазепъ (Эйхенборлебенъ), діаконъ Клюверъ (Мюльгаузенъ), архидіаконъ, Ліс. Древлъ (Дрезденъ), пасторъ Эккъ (Румпенгеймъ), пасторъ Эйтель (Салв?), проф. Готшикъ (Тюбингенъ), проф. Граве (Боннъ), профессора: Гуте (Лейпцигъ), Гермаль (Марбургъ), Кафтапъ (Берлинъ), Каттенбушъ (Гиссенъ), пасторъ Кёштеръ (Берель), профессора: Крюгеръ (Гиссенъ), Лоофсъ (Галле), Мюллеръ (Бреслау), консисторіальратъ аббатъ (? Abt), проф. Шульцъ (Геттингенъ), проф. Вейссъ (тамъ же), проф. Вендтъ (Гейдельбергъ).

Итакъ мы раскрыли первоначальную стадію споровъ изъ-за Апостольскаго символа, указали на первыхъ ихъ возбудителей.

Выше мы сказали, что извѣстная лекція Гарнака и заявленіе его самого вмѣстѣ со статьей издателя журнала „Христіанскій міръ“ въ этомъ послѣднемъ произвели не бывалый шумъ въ обществѣ, возникли различныя движенія и жестокая борьба. Какъ велико было возбужденіе умовъ, это отчасти видно изъ воззваній въ родѣ слѣдующаго: „у древнихъ считалось позоромъ, даже преступленіемъ, держать нейтралитетъ въ случай гражданскихъ войнъ. При этомъ спорѣ (изъ-за символа) тоже правило должно имѣть всю силу: ни одинъ евангелическій христіанинъ не долженъ оставаться въ сторонѣ“ (Rendtorff, S. 31). И дѣйствительно, хотя войны всѣхъ противъ всѣхъ и не произошло, но что-то похожее произошло. Главной причиною такого возбужденія служить то, что противники винили другъ друга въ спорѣ въ злѣйшихъ понозновеніяхъ: друзья символа обвиняли своихъ противниковъ, что они стремятся искоренить съ умовъ самую христіанскую религію, а противники символа обвиняли своихъ враговъ въ томъ, что они желаютъ

уничтожить богословскую науку и отнять свободу научныхъ изслѣдованій.

Мы уже указали, изъ кого главнымъ образомъ слагалась партія противниковъ символа. Она состояла изъ профессоровъ и болѣе либеральныхъ пасторовъ. Какъ велика она была и стала впослѣдствіи на этотъ вопросъ — отвѣчать довольно трудно. Если повѣримъ словамъ одного автора, сочиненіе котораго у насъ подъ руками, то должны будемъ допустить, что половина всѣхъ профессоровъ богословія въ нѣмецкомъ протестанствѣ и столько же пасторовъ принадлежатъ къ оппозиціи въ вопросѣ о символѣ. (Battenberg. S. 32). Сторону этой партіи приняла известная часть прессы. Рендторффъ замѣчаетъ: „часть ежедневной политической печати съ невыразимою ненавистію накинулась на Апостольскій символъ, клейми всякое противное мнѣніе, какъ обнаруженіе невѣжества, и смѣшала съ пылью защитниковъ указанного символа“ (S. 10). Само собой понятно, что рѣчь здѣсь идетъ о той печати, которая служить выразительницей идей такъ называемой лѣвой политической партіи.

Опишемъ теперь составъ и охарактеризуемъ свойства другой партіи, возникшей по поводу символа, — партіи противниковъ Гарнака и защитниковъ неприкосновенности Апостольскаго символа. Баттенбергъ въ такихъ чертахъ описываетъ эту партію. Очень возможно, что его описаніе не чуждо пристрастія, но въ существенномъ конечно оно вѣрно дѣйствительности. „Со всѣхъ сторонъ посыпались заявленія протеста. И вотъ что при этомъ особенно характеристично: не одинъ религіозный интересъ руководилъ протестомъ противъ новѣйшаго пониманія христіанскихъ убѣжденій, но сюда присоединился консервативно-политическій, реакціонный духъ. Газета: Kreuzzeitung („Крестовая Газета“) руководила рядами протестующихъ, а рука объ руку съ ней идетъ ультрамонтанская Германія. Къ нимъ присоединились: газета Reichsbote („Имперскій Вѣстникъ“) и вся масса консервативныхъ и ортодоксальныхъ церковныхъ газетъ и листковъ, а также пасторскія конференціи. Даже „нѣмецкое дворянское Общество“, имѣющее своими членами лицъ обоихъ вѣроисповѣданій, сочло своею обязанностію вмѣшиваться въ этотъ религіозный споръ, выступая на защиту

алтаря, какъ вѣрнаго союзника трона. Для полноты картины и самъ Штеккеръ (извѣстный берлинскій пасторъ), побуждалъ свое народное собраніе совершенно также, какъ и при извѣстномъ антисемитическомъ движеніи, „возвѣстити свидѣтельство“ въ пользу угрожаемой „всесвятѣйшей вѣры“, а „Крестовая Газета“ требовала, чтобы такія же собранія были созваны во всѣхъ мѣстахъ. Выражались также требованія, чтобы церковная власть вооружилась противъ проф. Гарнака и слышались вообще желанія, чтобы церковь получила большее вліяніе, именно -- чтобы синодальная власть взяла на себя замѣщеніе профессорскихъ должностей и наблюденіе за ихъ дѣятельностію на богословскихъ факультетахъ“. (S. 29). Въ общественныхъ собраніяхъ и въ журнальной прессѣ, поставившихъ цѣлю борьбу со мнѣніями Гарнака и его приверженцевъ по вопросу о символѣ, замѣчалось много излишняго увлеченія. Ораторы на общественныхъ собраніяхъ говорили отъ лица „церкви“, отъ лица „вѣрующихъ“ такъ, какъ будто они были „устаи церкви“, при чемъ поставляя себя въ центрѣ церкви, они же позволяли себѣ говорить о несогласныхъ съ ними ученыхъ, какъ о „невѣрующихъ“, какъ такихъ лицахъ, которые перестали уже „принадлежать къ церкви“. Подобное же замѣчалось и въ прессѣ. „Журналисты, безо всякаго на то права, брали на себя роль представителей всѣхъ вѣрующихъ“ (Von Soden, S. 22). Принимая на себя задачу борьбы съ неправильными мнѣніями, газеты однакожь показали, что они часто сами не знаютъ, что говорятъ. „Такъ одна большая политическая газета въ длинной статьѣ доказывала, что Гарнакъ вопреки справедливости утверждаетъ, что символъ Апостольскій произошелъ не отъ апостоловъ, и тѣмъ она обнаружила великое невѣжество по религіознымъ вопросамъ“ (Battenberg, S. 16), такъ какъ въ этомъ случаѣ Гарнакъ и его противники, да и всѣ сколько нибудь знакомые съ наукой, совершенно единомышленны.

Не остался безучастенъ къ спору и германскій императоръ Вильгельмъ, но степень и характеръ его участія къ сожалѣнію, трудно опредѣлить. Несомнѣнно, подъ вліяніемъ общественнаго возбужденія, онъ совѣщался по этому случаю съ протестантскими владѣтельными особами, воспользовавшись для этого съѣздомъ протестантскихъ государей

на праздникъ освященія замковой церкви въ Виттенбергѣ, 31 октября (н. ст.). Но какой былъ результатъ совѣщанія Вильгельма съ другими царственными особами, объ этомъ извѣстія не одинаковы. По однимъ, Вильгельмъ въ чисто протестантскомъ духѣ высказался за свободу евангелической вѣры и, повидимому, мало показалъ склопности прямо вмѣшиваться въ спорный вопросъ. (Battenberg, S. 29). По другимъ, дѣло было иначе. Императоръ, „какъ высшій епископъ евангелической церкви“ будто бы почелъ себя вынужденнымъ отклонить нападенія на древнюю вѣру. Вслѣдствіе чего, будтобы по его личной волѣ въ самомъ непродолжительномъ времени, послѣ 31 октября, произошло собраніе всѣхъ суперинтендентовъ прусской евангелической церкви для разсужденій о дѣлѣ, и что будтобы результатомъ этихъ совѣщаній и былъ указъ прусскаго Оберкирхенрата, направленный противъ враговъ вѣры (Rendtorff, S. 10—11). Намъ извѣстно очень немного объ этомъ указѣ. Въ немъ между прочимъ выражены были слѣдующія положенія: „Тѣ, которые имѣютъ религіозное убѣжденіе, противорѣчающее основнымъ истинамъ всеобщей христіанской вѣры,—не могутъ быть искренними служителями церкви“. — „Каждая попытка устранить Апостольскій символъ изъ церковнаго употребленія составляетъ ударъ, наносимый въ лице Христовой церкви“. — „Что Сынъ Божій зачатъ отъ св. Духа, рожденъ отъ Дѣвы Маріи, это основаніе христіанства; это краснопольный камень, о который сокрушается вся мудрость вѣка сего“ (Achelis, S. 32, 38. Rendtorff, S. 11).

Такъ встрѣченъ былъ споръ о символѣ Апостольскомъ въ обществѣ, журнальной печати и административныхъ церковныхъ сферахъ Германіи. Здѣсь однакожь нельзя находить вполнѣ компетентнаго и точнаго рѣшенія вопросовъ, вызванныхъ споромъ: партійность слишкомъ даетъ себя чувствовать въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ указанныхъ дѣятелей къ интересующему насъ дѣлу; уже одно то, что сюда примѣшались разные „лѣвые“ и „правые“, либералы, реакціонеры, антисимиты, указываетъ, что здѣсь выступали на поприще и элементы совершенно сторонніе чисто церковному вопросу. Важнѣе знать, какъ отнеслась къ дѣлу болѣе серьезная научная печать, литература въ строгомъ смыслѣ слова. Сюда теперь и обратимся.

I.

На первыхъ же порахъ возникшаго спора лично къ Гарнаку обращено было множество протестовъ. Враги его безъ церемоніи сравнивали его съ Эгиди, извѣстнымъ провозвѣстникомъ общечеловѣческой религіи, имѣющей замѣнить всѣ теперешнія вѣроисповѣданія, именовали его ненавистнымъ для вѣрующаго слуха именемъ Штраусса и даже упреками его въ идолопоклонствѣ. Въ виду безчисленныхъ нападокъ на свою личность, Гарнакъ рѣшился составить небольшое сочиненіе, въ которомъ онъ ясно и опредѣленно, въ устраненіе всякихъ перетолкованій, выражаетъ свои мысли относительно Апостольскаго символа (Bertling, S. 3. Battenberg, S. 5. 30). Такъ появилась его брошюра: *Das Apostolische Glaubensbekenntniss*. Брошюра эта заинтересовала очень многихъ, какъ можно судить потому, что у насъ подъ руками девятнадцатое изданіе ея, 1892 года. Значить въ нѣсколько мѣсяцевъ ея разошлось десятки тысячъ экземпляровъ. Сколько еще изданій имѣло тоже сочиненіе въ текущемъ году—мы не знаемъ.

Изложимъ съ нѣкоторою подробностію содержаніе брошюры Гарнака, такъ какъ вся полемиическая литература касательно символа главнымъ образомъ вращается около этого труда берлинскаго профессора.

Авторъ начинаетъ съ краткой исторіи Апостольскаго символа. Теперешній апостольскій символъ, употребляемый протестантами и католиками—говоритъ онъ—по его буквѣ не могъ явиться ранѣ второй половины V-го вѣка. Есть достаточныя основанія утверждать, что эта форма символа около середины V-го вѣка впервые появилась въ южногалльскаго церкви. Изъ этого слѣдуетъ: *Апостольскій символъ въ его теперешней формѣ есть крещальный символъ южногалльскаго церкви* указаннаго времени. Вслѣдствіе близкихъ отношеній Каролинговъ къ Риму, изъ Галліи этотъ символъ перешелъ во всемірную столицу, — по крайней мѣрѣ неизвѣстно, чтобы онъ встрѣчался здѣсь раньше, — и изъ Рима распространился по всѣмъ странамъ Запада. Его можно называть *ново-римскимъ* символомъ, потому что, какъ показано будетъ ниже, существовалъ также

древнеримскій символъ. Разсматриваемый символъ по крайней мѣрѣ въ 9 и 10 вѣкахъ не считался простымъ помѣстнымъ символомъ: ему придавали высшій авторитетъ, называли его Апостольскимъ, потому что выдавали его за составленный апостолами. Преданіе о его составленіи гласило: „въ десятый день по вознесеніи, когда ученики изъ страха предъ іудеями собрались вмѣстѣ, Господь послалъ имъ обѣщаннаго Утѣшителя. Черезъ снисхожденіе Его они воспламенились, какъ расколенное желѣзо, исполнились знанія всѣхъ языковъ и составили символъ“. При чемъ преданіе добавляло, что каждый изъ 12 членовъ изречень кѣмъ-либо изъ апостоловъ, начиная съ Петра. Такое преданіе о происхожденіи символа ни кѣмъ не оспаривалось въ теченіе всѣхъ Среднихъ вѣковъ и было господствующимъ во всѣхъ областяхъ римской церкви. Только Греки заявляли, что они не знаютъ никакого Апостольскаго символа ¹⁾. Можно себѣ представить—замѣчаетъ Гарпакъ—какимъ авторитетомъ обладаетъ символъ, такимъ образомъ возникшій! И однакожь, онъ считался по достоинству равнѣ съ св. Писаніемъ. Поэтому, какимъ страшнымъ ударомъ должно было показаться, когда предъ временами реформации Лаврентій Валла сталъ говорить противъ указаннаго происхожденія символа, и когда подобное же сомнѣніе выражалъ Эразмъ. Съ этихъ поръ преданіе о апостольскомъ происхожденіи разсматриваемаго символа стало падать: протестанты постепенно совсѣмъ отрѣшились отъ него, а римскій катехизисъ по крайней мѣрѣ уже болѣе не принимаетъ разсказа о томъ, что каждый членъ изречень кѣмъ-либо изъ числа апостоловъ. Но спрашивается: какимъ образомъ случилось, что помѣстный галльскій символъ могъ получить имя Апостольскаго символа и съ этимъ именемъ широко распространиться? Такой фактъ былъ бы совершенно необъяснимъ, если бы не существовало еще ранѣе другаго символа, который носилъ уже имя Апостольскаго и съ ко-

---

¹⁾ На флорентійскомъ соборѣ, 1438 г., когда одинъ кардиналъ сказалъ, что апостолы на соборѣ составили символъ, то греческій митрополитъ Маркъ Ефесскій замѣтилъ: „мы не имѣемъ и не знаемъ никакого символа Апостольскаго“ (Thieme, S. 14). Русская церковь разделяетъ этотъ взглядъ греческой.

торого это почетное наименование, перенесено было на галльскій символъ, замѣнившій собою болѣе раннїй символъ въ Римѣ. Дѣло въ слѣдующемъ: отъ середины III вѣка до середины V-го в. римская церковь при богослуженіи пользовалась символомъ, который былъ у нея въ высокому уваженіи и къ которому она не позволила дѣлать никакихъ добавокъ; объ этомъ символѣ она думала, что онъ составленъ 12-ю апостолами и что онъ Петромъ былъ принесенъ въ Римъ. Вотъ весьма вѣроятный текстъ этого древне-римскаго символа. *„Вѣрую въ Бога Отца, всемогущаго, и во Христа Иисуса, Его единороднаго Сына, нашего Господа, рожденнаго отъ св. Духа и Маріи Дѣвы, распятаго при Понтіи Пилатѣ и погребеннаго, воскресшаго въ третій день изъ мертвыхъ, вознесшагося на небо, съидящаго одесную отца, откуда Онъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ; и во Св. Духа, св. церковь, оставленіе грѣховъ, воскресеніе плоти“*. Руфинъ и Амвросій (кон. IV в.) рассказываютъ намъ, что этотъ символъ произошелъ отъ апостоловъ; возможно, что они знали и сагу о томъ, что каждый членъ составленъ кѣмъ либо изъ апостоловъ. Но это представленіе о апостольскомъ происхожденіи символа не такъ древне, какъ древенъ самъ символъ. Какъ это можно заключать изъ того, что другія западныя церкви (начиная съ конца II в.) имѣли такіе крошечные символы, которые хотя и были дочерями древне-римскаго символа, но въ нихъ свободно допускались добавки. Такая свобода въ обращеніи съ текстомъ символа со стороны другихъ западныхъ церквей доказываетъ, что всѣ эти церкви приняли ихъ символъ отъ Рима въ то время, когда еще не существовало преданія о апостольскомъ происхожденіи его. Еслибы такое преданіе уже было, онѣ не осмѣливались бы по своему усмотрѣнію распространять его. Значитъ и въ самомъ Римѣ представленіе о апостольскомъ происхожденіи древняго мѣстнаго символа появилось много позже самаго возникновенія этого символа, — появилось послѣ того времени, когда проповѣдь евангельская вмѣстѣ съ символомъ изъ Рима распространилась въ западныхъ провинціяхъ“. Давая окончательный выводъ касательно того, когда возникъ римскій символъ въ древнѣйшей его формѣ и когда сложилась легенда о апостольскомъ его происхожденіи,

Гарнакъ говоритъ: если африканская церковь во времена Тертуліана (около 200 г.) имѣла твердо сформированный крещальный символъ и если этотъ послѣдній, въ чемъ нельзя сомнѣваться, былъ дочерью римскаго, то можно утверждать, что самъ римскій символъ возникъ нѣсколько раньше середины II вѣка; легенда же о его апостольскомъ происхожденіи появилась значительно позже, между 250 и 330 годами,—появилась въ Римѣ; поводомъ къ возникновенію ея послужила общая увѣренность, что ученіе церкви и главныя направленія въ ней проистекли отъ апостоловъ.

Часть дальнѣйшихъ разсужденій Гарнака, для краткости рѣчи, мы опустимъ; потому что полемика его противниковъ и возражателей не на ней сосредоточивается. Такъ мы опустимъ сдѣланное Гарнакомъ сравненіе текста древне-римскаго символа съ текстомъ такъ называемаго ново-римскаго символа и указаніе имъ тѣхъ прибавокъ и распространеній, какія появились въ этомъ послѣднемъ по сравненію съ первымъ. Также опустимъ довольно подробныя объясненія берлинскаго профессора о томъ, почему въ исходѣ V-го вѣка древне-римскій символъ въ самомъ Римѣ былъ замѣненъ другимъ символомъ (именно символомъ константинопольскимъ или 2-го всел. собора, теперь употребляющимся въ нашей русской церкви), при чемъ древне-римскій символъ былъ совершенно забытъ на самомъ мѣстѣ его возникновенія; и о томъ, почему въ VIII и IX вѣкахъ въ Римѣ не удержался символъ и константинопольскій, будучи замѣненъ символомъ древне-галльскимъ, ведущимъ свое начало отъ древне-римскаго символа, но въ то же время и отличнаго отъ этого послѣдняго. Приведемъ лишь заключительныя слова, которыми авторъ заканчиваетъ свои разсужденія по поводу сейчасъ указанныхъ двухъ вопросовъ. „Какое удивительное—писать онъ—теченіе исторіи! Римская церковь нѣкогда одарила Галлію своимъ символомъ. Этотъ символъ здѣсь съ теченіемъ времени обогатился разными прибавками. Между тѣмъ сама римская церковь создала легенду о чисто апостольскомъ происхожденіи ея символа, сохранившагося безъ измѣненій. Затѣмъ подъ давленіемъ обстоятельствъ она же отказалась отъ него—и онъ совсѣмъ исчезъ. Но потомъ когда Франція сдѣлалась всемірною имперіей (подобно древнему Риму), она стала и владычицею Рима; въ

это время Римъ отсюда же получилъ обратно свой собственный символъ, но въ расширенной формѣ; принявъ этотъ подарокъ, Римъ съ своей стороны придалъ ему свой авторитетъ и короновалъ дочь короною матери, потому что легенда о истинно-апостольскомъ происхожденіи была перенесена на эту новую форму символа“.

Не вдаваясь въ какую-либо критику этихъ выводовъ Гарнака, считаемъ не излишнимъ замѣтить слѣдующее: съ особеннымъ удареніемъ останавливаясь на фактѣ заимствованія той формы апостольскаго символа, въ какой онъ теперь принимается въ католичествѣ, а за нимъ и нѣмецкомъ протестанствѣ, — заимствованія Римомъ изъ Франціи, авторъ тѣмъ самымъ какъ будто-бы апеллируетъ къ національному чувству своихъ соотечественниковъ, направляя ихъ расположенію въ пользу отмѣны апостольскаго символа при богослуженіи, чего такъ хочетъ самъ онъ, Гарнакъ. Намъ кажется, что авторъ, указывая на французское происхожденіе теперешняго нѣмецко-протестантскаго символа, даетъ понять своимъ соотечественникамъ, что едва ли умѣстна подобная зависимость нѣмцевъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ богослуженіе, и зависимость отъ кого же? *Horribile dictu*: отъ французовъ!

Съ вышеуказаннымъ намѣреніемъ мы оставимъ въ сторонѣ и, находящіяся въ этой же части изслѣдованія Гарнака, замѣчанія автора о нѣкоторыхъ отступленіяхъ въ употребленіи основнаго текста символа Апостольскаго, имѣвшихъ мѣсто, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ католическаго міра въ Средніе вѣка, такъ и въ протестанствѣ (у Лютера). Отмѣтимъ въ этомъ случаѣ лишь выводъ, къ какому приходитъ Гарнакъ. Эти отступленія служатъ „доказательствомъ—говоритъ Гарнакъ—что живая церковь не можетъ прилѣпляться къ буквѣ, если она знаетъ лучшее слово (для выраженія своего исповѣданія) или если она не увѣрена въ томъ смыслѣ, какой соединяется въ томъ или другомъ случаѣ съ буквой“. Къ чему клонится этотъ выводъ, понять легко: авторъ даетъ разумѣть, что измѣненія въ теперешнемъ символѣ и законны, и полезны, и оправдываются предыдущей исторіей такого религіознаго произведенія, какъ т. н. Апостольскій символъ.

Для насъ всего больше интересна критика Гарнака, ка-

кой онъ подвергаетъ текстъ символа Апостольскаго, по его содержанію. Интересна эта критика не сама по себѣ, потому что напередъ можно представить — какое направленіе приметъ работа нѣмецкаго ученаго, — а по отношенію къ тѣмъ спорамъ, какіе возгорѣлись въ настоящее время въ нѣмецкомъ богословіи. Полемика нѣмецкихъ защитниковъ Апостольскаго символа направляется главнымъ образомъ противъ тѣхъ объясненій, какія сдѣланы Гарнакомъ относительно содержанія разсматриваемаго символа. Въ виду этого, намъ необходимо войти въ нѣкоторыя подробности предложенной Гарнакомъ критики символа. Сначала этотъ ученый подвергаетъ критикѣ содержаніе древне-римскаго символа, а потомъ содержаніе тѣхъ прибавокъ, какія сдѣланы въ этомъ символѣ въ Галліи и какія дали ему форму древне-римскаго символа, принятаго и протестантами.

Анализируя содержаніе древне-римскаго символа, Гарнакъ занимается такими вопросами: какой смыслъ первоначально соединился съ тѣмъ или другимъ членомъ символа и въ какомъ отношеніи этотъ смыслъ находится „къ древнѣйшему евангельскому благовѣстію“? Послѣднія слова автора нуждаются въ нѣкоторомъ поясненіи. Гарнакъ усваиваетъ себѣ то рационалистическое воззрѣніе, что христіанское ученіе развивалось и постепенно видоизмѣнялось, что Христосъ и апостолы держались болѣе простыхъ религіозныхъ представленій, чѣмъ какихъ стала держаться церковь II-го и дальнѣйшихъ вѣковъ. Поэтому, задавая себѣ вопросъ: въ какомъ отношеніи Апостольскій символъ, въ древнѣйшей его формѣ, принадлежащей ко II вѣку, находится „къ древнѣйшему евангельскому благовѣстію,“ Гарнакъ тѣмъ самымъ объявляетъ, что его задачей будетъ раскрыть, насколько данный Апостольскій символъ близокъ или не близокъ, гармонируетъ или *расходится* съ первохристіанскою проповѣдью, какъ понимаетъ эту послѣднюю самъ критикъ? Разумѣется, самую постановку вопроса православный богословъ долженъ признать неправильною. Но какъ бы то ни было, Гарнакъ твердо держится указанной точки зрѣнія, и намъ, если мы желаемъ вполне уяснить его критику, приходится вникать въ его аргументы, представляя полемику его возражателямъ, съ сочиненіями которыхъ ознакомимся ниже.

Обращаемся къ критическимъ замѣчаніямъ Гарпака на древне-римскій символъ по его содержанію. „Съ перваго взгляда можемъ представляться - - говорить нѣмецкій ученый, — что отвѣчать на вопросъ о томъ, что „исповѣдуетъ“ символъ и возвѣщаетъ—чрезвычайно легко. Большая часть его положеній заимствуется буквально изъ древнѣйшаго христіанскаго благовѣстія, и въ его цѣломъ символъ кажется исповѣданіемъ настолько прозрачнымъ и простымъ, что не видится какъ будто бы и никакой надобности въ объясненіяхъ. Но если мы взглянемъ пристальнѣе и войдемъ въ смыслъ теологіи того времени, когда произошелъ символъ, то дѣло представится въ другомъ свѣтѣ“.

„Символъ есть распространеніе крещальной формулы: „во имя Отца, Сына и Св. Духа.“ Поэтому, онъ состоитъ изъ трехъ членовъ, какъ и эта формула. Дѣленіе же символа на 12 членовъ есть очевидно позднѣйшая искусственная операція, противъ которой говоритъ весь составъ его. Распространеніе крещальной формулы произошло вслѣдствіе того, что имѣлось цѣлю точнѣе опредѣлить всѣ три члена этой формулы: Отецъ, — Сынъ, — Св. Духъ“.

Критика Гарпака „перваго члена“ символа вполне благопріятна для его достоинства. Онъ находитъ, что въ словахъ: „вѣрую въ Бога, *Отца*, всемогущаго“ выражена мысль первоначальнаго благовѣстія о Богѣ, именно какъ Отцѣ. По его сужденію, эта древне-христіанская мысль потомъ утратилась въ церкви, и замѣниъ ея стали говорить о Богѣ, какъ Отцѣ міра, т. е. Творцѣ послѣдняго. Чѣмъ чище выражена перво-христіанская истина о Первомъ лицѣ въ данномъ членѣ, тѣмъ совершеннѣе представляется Гарнаку этотъ членъ.

Второй членъ. Начало этого члена Гарнакъ ставитъ такъ же высоко. Слова: „Христосъ Іисусъ, Единородный Сынъ Божій, нашъ Господь“ онъ называетъ простыми и сильными, заключающими евангельскую и апостольскую вѣру. Здѣсь употреблено, по сужденію автора, два самыхъ многозначительныхъ предиката въ отношеніи ко Христу: „Единородный Сынъ Божій и—Господь.“ Изъ различныхъ евангельскихъ наименованій Христа избраны здѣсь такія, которыя заключаютъ въ себѣ всѣ прочія евангельскія наименованія Его. Но вслѣдъ затѣмъ Гарнакъ входитъ въ нѣ-

которыя подробности касательно выраженія: „Единородный Сынъ,“ въ которыхъ онъ разъясняетъ, что очень рано въ церкви потерялся первоначальный смыслъ выраженія и съ этимъ выраженіемъ стали соединять смыслъ неправильный. „Во времена послѣ никейскаго собора со словами: Единородный Сынъ—нишетъ Гарнакъ—начали соединять представленіе о превременномъ, вѣчномъ Сыновствѣ Христа, и всякое другое пониманіе стали считать ересью. Нельзя указать, чтобы около середины II вѣка (т. е. во времена происхожденія символа) съ выраженіемъ: Единородный Сынъ соединялся сейчасъ указанный смыслъ; напротивъ исторія показываетъ, что тогда не такъ понимали разсматриваемыя слова (?) Въ эти времена если употребляли по отношенію ко Христу выраженіе „Сынъ“ или говорили о Немъ, что Онъ „рожденъ“, то думали объ историческомъ Христѣ и Его земномъ явленіи; историческій I. Христосъ есть Сынъ. Впервые христіанскіе апологеты и гностическіе теологи въ своихъ спекуляціяхъ придали разбираемымъ словамъ другой смыслъ и стали соединять съ ними представленіе объ отношеніи, еще не явившагося въ міръ, Христа ко Отцу. Позднѣе съ тѣми же словами старались соединять понятіе о двойной природѣ Христа, находя въ нихъ полное ученіе объ этомъ предметѣ. Поэтому—выводить заключеніе Гарнакъ—кто отыскиваетъ въ древне-римскомъ символѣ ученіе о превѣчномъ Сыновствѣ, тотъ даетъ ему совѣмъ другой смыслъ, чѣмъ какой заключался въ немъ первоначально.“

Затѣмъ Гарнакъ переходитъ къ разбору остальныхъ выраженій, составляющихъ содержаніе втораго члена. Приведши эти выраженія, нѣмецкій ученый замѣчаетъ: всѣ эти выраженія въ существѣ дѣла согласны съ первоначальнымъ евангельскимъ благовѣстіемъ, — согласны, но не вполне. „Если бы здѣсь находились только слова: распятаго при Понтіи Пилатѣ и погребеннаго, въ третій день воскресшаго изъ мертвыхъ, сѣдѣющаго одесную Отца, откуда Онъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ,“ то нельзя было бы усматривать никакого различія между символомъ и перво-евангельскою проповѣдію. Но прибавка здѣсь словъ: „рожденнаго отъ св. Духа и Маріи Дѣвы“ указываетъ, что дѣло имѣетъ не съ первоначальнымъ евангельскимъ благовѣствованіемъ; въ пользу моего воззрѣнія можно привести

самыя основательныя историческія показанія; ибо 1) такихъ словъ нѣтъ во всѣхъ посланіяхъ ап. Павла и вообще во всѣхъ посланіяхъ Новаго Завѣта; 2) ихъ нельзя находить въ евангеліи Марка и съ какою-либо увѣренностію въ евангеліи Іоанна; 3) генеологіи Іисуса, находящіяся въ евангеліяхъ Матоея и Луки, ведутъ происхожденіе Его отъ Іосифа, а не отъ Маріи; 4) всѣ четыре евангелія—два непосредственно, а два посредственно—свидѣтельствуютъ, что первоначальная евангельская проповѣдь о Христѣ Іисусѣ начиналась Его крещеніемъ.—То несомнѣнный фактъ, что ученіе о рожденіи Христа отъ св. Духа и Маріи дѣвы уже въ срединѣ II вѣка и даже нѣсколько раньше сдѣлалось твердымъ звеномъ христіанскаго преданія; но съ другой стороны несомнѣнно и то, что такое ученіе не находило никакого мѣста въ древнѣйшемъ благовѣствованіи. Это благовѣствованіе открывалось возвѣщеніемъ о Іисусѣ Христѣ, Сынѣ Давидовомъ по плоти, Сынѣ Божіемъ по духу (ср. Рим. 1, 3 и д.) или же возвѣщеніемъ о крещеніи Христа Іоанномъ и сошествіи св. Духа на Него. Если же въ Апостольскомъ символѣ не встрѣчается указанія на его Сынство по Давиду, на крещеніе и нисшествіе Духа на Христа, и если вмѣсто всего этого вписано ученіе о рожденіи отъ Духа св. и Маріи, то это составляетъ новостъ, по сравненію съ древнѣйшимъ благовѣстіемъ; а это во свою очередь доказываетъ, что символъ принадлежитъ не къ самому древнему времени и наравнѣ съ евангеліемъ Матоея и Луки не составляетъ древнѣйшей ступени евангельской исторіи. Впослѣдствіи, уже вскорѣ послѣ времени появленія нашего символа, церковь стала требовать, чтобы выраженіе „дѣва“ было понимаемо по отношенію къ Маріи, въ смыслѣ приснодѣвства“.

Другимъ отступленіемъ во второмъ членѣ отъ древнѣйшей проповѣди евангельской Гарнакъ считаетъ очень яркое указаніе на вознесеніе Христа. „Въ древнѣйшемъ благовѣствованіи не было такого ученія. Въ первомъ Павловомъ посланіи къ коринтіанамъ, въ посланіяхъ Климента, Игнатія и Поликарпа и въ Пастырѣ Эрма вообще не упоминается о вознесеніи; нѣтъ указанія на это же и въ первыхъ трехъ евангеліяхъ. А если мы въ настоящее время въ этихъ евангеліяхъ читаемъ подобное извѣстіе, то эта позднѣйшая прибавка, какъ доказываетъ исторія текста (?) Въ нѣкото-

рыхъ изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ указаніе на воскресеніе Христа сливалось въ одно съ представленіемъ о сидѣніи Его одесную Бога, но безо всякаго упоминанія о вознесеніи; по посланію Варнавы воскресеніе и вознесеніе совершились въ одинъ и тотъ же день; въ Новомъ Завѣтѣ только книга Дѣяній указываетъ, что между этими фактами протекло 40 дней: другія древнія свидѣтельства отмежовываютъ еще иной промежутокъ и даже опредѣляютъ его 18-ю мѣсяцами. Изъ такого колебанія, продолжавшагося долго, открывается, что древнѣйшее благовѣствованіе одинъ и тотъ же фактъ (воскресеніе) описывало различными словами и что раздѣленіе (дифференцированіе) одного факта на многіе отдѣльные акты относится къ позднѣйшему времени. Во всякомъ случаѣ указаніе на „воскресеніе Христа изъ мертвыхъ“ требовало пополненія, ибо пужно было вѣровать не въ одно Его возстаніе изъ мертвыхъ, но и въ то, что Онъ столь возвысился, что получилъ власть и господство на небѣ и землѣ. Последнее вѣрованіе въ древнѣйшемъ благовѣтствованіи выражалось не одинаково: или представленіемъ о Его вознесеніи, или же о Его сѣдѣніи одесную Бога“.

Третій членъ. — „Вѣрую въ св. Духа“. Кажется, что Духъ св.—говоритъ Гарнакъ—понимался въ символѣ не въ смыслѣ лица (ипостаси), а въ смыслѣ силы или дара божественнаго. Но крайній мѣрѣ такъ вообще понимали тогда Духа святаго. Около середины II вѣка, когда возникъ символъ, еще не вѣровали въ Духа св., какъ отдѣльное лицо. Подобное вѣрованіе появилось много позже, даже въ срединѣ IV-го вѣка большая часть христіанъ не держалась этого вѣрованія (?) Поэтому, кто вноситъ въ символъ—пишетъ Гарнакъ—ученіе о трехъ лицахъ Божества, тотъ объявляетъ его вопреки его первоначальному смыслу и перетолковываетъ его.—И такъ Духъ св. понимается въ символѣ въ качествѣ божественнаго дара. Обнаруженіемъ и выраженіемъ этого дара служатъ три блага, которыя затѣмъ и исчисляются въ символѣ, это—„св. церковь“, „отпущеніе грѣховъ“ и „воскресеніе плоти“. Но не всѣ эти три блага входили въ составъ первохристіанской проповѣди, заявляетъ Гарнакъ. Въ самомъ дѣлѣ, ап. Павелъ говоритъ: „скажу вамъ, что плоть и кровь не могутъ наслѣ-

довать царствія Божія, и тлѣніе не наследуетъ нетлѣнія (1 Кор. 15, 50); и въ евангеліи Іоанна написано: „Духъ животворить, плоть не пользуется нимаго“ (6, 63). Значить, если символъ понимаетъ воскресеніе изъ мертвыхъ и вѣчную жизнь въ смыслѣ *воскресеніи плоти*, то въ этомъ случаѣ послѣданостольская церковь переступила ту грань, которая отдѣляетъ эту церковь отъ древнѣйшаго благовѣствія. Правда, едвали можно сомнѣваться въ томъ, что нѣкоторые изъ первохристіанъ учили о воскресеніи плоти, но это не было общимъ ученіемъ. Церковь тогда учила или о воскресеніи вообще, безъ дальнѣйшихъ подробностей, или о жизни вѣчной. Ученіе же о „воскресеніи плоти“ возникло въ церкви вслѣдствіе борьбы съ гностицизмомъ. Значить, церковь приняла это ученіе въ виду временной нужды; а если такъ — замѣчаетъ Гарнакъ — то разсматриваемая формула не заслуживаетъ защиты.

На послѣднихъ страницахъ своей книжки Гарнакъ подвергаетъ оцѣнкѣ тѣ прибавки и распространенія, которыя стали принадлежностію символа ново-римскаго. Авторъ немного занимается этимъ дѣломъ, также поступиимъ и мы. Большую часть этихъ прибавокъ онъ считаетъ несущественными стилистическими распространеніями. Съ нѣскольکو большимъ вниманіемъ онъ останавливается лишь на трехъ: „списшедшій во адъ“, „каѳолическая церковь“, „общеніе святыхъ“. Мы съ своей стороны передадимъ его замѣчанія лишь по поводу двухъ первыхъ тезисовъ символа. — „Списшедшій во адъ“. Это выраженіе, по мнѣнію Гарнака, привнесено въ символы не раньше IV вѣка на Западѣ, на Востокѣ же его не встрѣчается ни въ никейскомъ, ни константинопольскомъ символѣ. Но самая мысль о списшествіи Христа во адъ встрѣчается у писателей какъ церковныхъ, такъ и еретическихъ еще во II вѣкѣ. (Быть можетъ на основаніи: 1 Петр. 3, 19). Послѣ того, какъ этотъ тезисъ внесенъ былъ въ символъ, его начали истолковывать, по объясненія были не одинаковы. „Насколько я знаю говоритъ Гарнакъ, въ древности едвали кто при этомъ думалъ о дѣйствительномъ адѣ, но скорѣе разумѣли преисподнюю, темное мѣсто, царство мертвыхъ“. Что касается выраженія „церковь каѳолическая“, то берлинскій ученый дѣлаетъ по этому поводу такіа замѣчанія: „названіе церкви „каѳолическою“ очень

древне въ церковной литературѣ, по крайней мѣрѣ такъ же древне, какъ символъ древне-римскій и встрѣчается впервые на Востокѣ. Оно первоначально означало ничто другое, какъ „общая“ церковь, все христіанство. Оно относилось къ невидимой церкви“. Позднѣе оно измѣнило свой смыслъ: этимъ именемъ стали означать видимую православную церковь въ отличіе отъ обществъ еретическихъ. Последнее пониманіе авторъ очевидно считаетъ натянутымъ.

Въ заключеніе критической части своей работы Гарнакъ дѣлаетъ нѣсколько похвальныхъ замѣчаній по адресу древне-римскаго символа. Вотъ эти похвальные замѣчанія: „кто послѣ чтенія мужей апостольскихъ и апологетовъ обратится къ древне-римскому крещальному символу, тотъ съ благодарнымъ удивленіемъ признаетъ въ этомъ символѣ чистоту вѣры римской церкви. Если примемъ въ расчетъ какія странныя и необыкновенныя (?) идеи уже и тогда стали проникать въ христіанское благовѣствованіе, какъ хиліазмъ и апокалиптика съ одной стороны, номизмъ (?) и греческая философія съ другой грозили повредить евангелію; то древне-римской символъ покажется вдвойнѣ великъ и достоинственъ. Но не должно скрывать—добавляетъ авторъ—что въ символѣ напрасно стали бы мы искать указаніе на Христову проповѣдь, на Христа, какъ Спасителя бѣдныхъ и больныхъ, мытарей и грѣшниковъ, вообще указаніе на Его личность, какъ Она освѣщена въ евангеліяхъ. Въ этомъ отношеніи символъ несовершенъ, ибо ни одинъ символъ нельзя назвать совершеннымъ, какъ скоро онъ не рисуется предъ нашими глазами и не запечатлѣвается въ сердцѣ—Спасителя“.

Въ разсматриваемой книжкѣ Гарнака находится „последслово“, въ которомъ есть нѣсколько мыслей, которыя мы считаемъ пужнымъ отмѣтить, такъ какъ онѣ знакомятъ насъ съ общими воззрѣніями этого ученаго на символъ вообще. „Мы желаемъ—пишетъ онъ—свободнаго, но яснаго исповѣдованія (символа) и не выносимъ несовершенствъ древняго исповѣданія (символа). Мы считаемъ себя обязанными указывать на эти несовершенства, стремиться къ тому, чтобы не почитали ихъ чѣмъ-то существеннымъ, и содѣйствовать измѣненію ихъ къ лучшему“. „Мы должны направлять свои усилія къ тому, чтобы наступило время,

когда бы все соблазнительное въ символѣ было исправлено болѣе рѣшительно, чѣмъ какъ это возможно тонеръ. Кроме этого нужно, чтобы наша совѣсть не отягощалась формулами, которыя не содержатъ прямого ученія о спасеніи, хотя бы онѣ и находились по буквѣ въ соотвѣтствіи съ библіей или древнѣйшимъ благовѣствованіемъ, ибо и эти послѣднія также посятъ на себѣ преходящія черты своего времени“. „Преимущественное право и священная обязанность евангелическихъ теологовъ состоятъ въ томъ, чтобы, не беспокоясь о чьемъ либо благоволеніи или неблаговоленіи, трудиться въ интересахъ чистаго пониманія евангелія и открыто объявлять о томъ, что по ихъ убѣжденію соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ истинѣ“.

Какъ не много можно находить въ вышеприведенныхъ разсужденіяхъ Гарнака такого, что сильно поражаетъ чувство вѣрующаго христіанина, тѣмъ не менѣе встрѣчаются между самыми сторонниками этого ученаго такія лица, которыя находятъ, что Гарнакъ несмѣло и нерѣшительно идетъ по своей дорогѣ. Подобнаго рода крайніе приверженцы свободныхъ воззрѣній изъявляютъ недовольство разсмотрѣннымъ нами этюдомъ берлинскаго ученаго и не обинуясь говорятъ, что это „ни рыба -- ни мясо“ и что—это представляетъ собою что-то „комолое“.

II.

Другіе приверженцы Гарнака смотрятъ съ великимъ уваженіемъ на его произведеніе, посвященное Апостольскому символу, и стараются лишь о томъ, чтобы глубже видѣрить его идеи въ умы протестантскаго общества и содѣйствовать практическому разрѣшенію вопроса о названномъ символѣ. Впрочемъ, сколько мы знаемъ, немного лицъ выступило въ свѣтъ съ печатнымъ заявленіемъ своихъ симпатій по отношенію къ дѣлу, предначатому и защищаемому Гарнакомъ. Это и понятно. Знакомясь съ литературой по вопросу о символѣ Апостольскомъ, вышедшей изъ подъ пера приверженцевъ Гарнака, мы скоро примѣчаемъ, что новаго въ этой литературѣ очень немного. При такихъ условіяхъ, много писать сторонникамъ Гарнака совѣмъ было не къ чему. Посмотримъ однако, что именно высказано партіей

Гарнака въ интересахъ дѣла, принятаго подъ свою защиту этимъ берлинскимъ профессоромъ.

Что касается показаній относительно исторіи происхожденія, развитія и судьбы такъ называемаго Апостольскаго символа, то сторонники Гарнака или обходятъ ее молчаніемъ или же повгоряютъ извѣстія и результаты изслѣдованій своего главы. Въ этомъ случаѣ литература эта не представляетъ интереса.

Съ большимъ вниманіемъ представители Гарнаковой партіи отнесутся къ тѣмъ вопросамъ, какія затронуты вождемъ партіи въ той части его произведенія, которую мы назвали критическою и которая ставитъ своей задачей произвести оцѣнку содержанія Апостольскаго символа. Но и здѣсь разсужденія разсматриваемыхъ лицъ не блещутъ ни разнообразіемъ, ни находчивостію, ни ученостію.

Такъ почти все они подвергаютъ и съ своей стороны критикѣ тезисъ символа: „рожденный отъ Св. Духа и Маріи Дѣвы“, или по болѣе полному тексту: „зачатый отъ Св. Духа и рожденный отъ Маріи Дѣвы“. Все они судятъ по этому вопросу въ духѣ скептицизма, но скептицизмъ этотъ развился еще раньше интересующаго насъ спора. Одинъ изъ литературныхъ сторонниковъ Гарнака усиливается обратить вниманіе на то, что будто бы „пунктъ символа: зачатый отъ св. Духа и пр., возбуждаетъ сомнѣніе не только въ рационалистическихъ умахъ, но и смущаетъ мысль многихъ искренно-благочестивыхъ людей“ (Battenberg, S. 17). Другой приверженецъ Гарнака заявляетъ, что „сомнѣніе касательно смысла вышеуказаннаго тезиса проистекаетъ не изъ невѣрія, а изъ чистой наклонности къ истинѣ и точнѣйшаго изученія св. Писанія“, и затѣмъ онъ прибавляетъ: „исторія о дѣвственномъ рожденіи Иисуса встрѣчается вообще въ Новомъ Завѣтѣ только въ первыхъ главахъ 1-го и 3-го евангелій. Самъ Иисусъ и писатели Нового Завѣта никогда не дѣлаютъ упоминанія объ этомъ, и еще меньше соединяютъ съ этимъ фактомъ вопросъ о спасеніи человѣка. Евангелія Марка и Іоанна выразительно начинаются благовѣстіемъ о крещеніи Иисуса отъ Іоанна; да и Евангеліе Матѳея и Луки связанный разсказъ начинаются съ этого же событія. Притомъ исторія дѣтства Иисуса у Матѳея и Луки обнаруживаетъ непреодолимая разности, что свидѣтель-

ствуесть о баснословномъ характерѣ разсказа (?). Наконецъ и стиль первой и второй главы у Луки совсѣмъ другой, чѣмъ въ дальнѣйшемъ повѣствованіи того-же евангелія. Нужно помнитъ и то, что двѣ генеологіи Иисуса, при всемъ ихъ различіи, указываютъ у Матсея и Луки на происхожденіе Его отъ Давида при посредствѣ Іосифа, а не Маріи“ (Wagnemann, S. 49—50). Нѣсколько съ другой стороны вооружается противъ разбираемаго тезиса третій представитель партіи Гарнака. „Это, заявляетъ онъ, относительно говоря, не важное дѣло. Этотъ пунктъ нельзя находить ни въ словахъ Христа, и нигдѣ не указывается на него въ писаніяхъ Петра, Павла, Іакова, Іоанна. Мы не должны причислять его къ главнымъ пунктамъ. Нужно признать путаницей въ понятіяхъ, тяжкимъ заблужденіемъ, если думаютъ „богосыновство“ Христа основывать на тезисѣ: „зачатый отъ Св. Духа“ и пр. Вышеупомянутые Новозавѣтныя Писанія—пишетъ тотъ же авторъ—показываютъ, что „богосыновство“, точнѣе—божественность Христа, можетъ быть основаніемъ нашего спасенія и въ томъ случаѣ, если устранимся вообще отъ рефлексій о чувственномъ рожденіи и происхожденіи Иисуса“. (Berftling, S. 16). Одинъ изъ вышеуказанныхъ критиковъ тезиса: „зачатый отъ Св. Духа и рожденный отъ Маріи Дѣвы“ указываетъ еще на то, что практическое примѣненіе этого тезиса въ проповѣднической дѣятельности не возможно. „Вѣроятно ли—замѣчаетъ онъ—чтобы проповѣдникъ сталъ говорить предъ смѣшанными слушателями проповѣдь на эти слова? И если бы это случилось, то подобная безтактность не повлекла ли бы за собой самыя не желательныя послѣдствія? Да и какъ проповѣдникъ или учитель сталъ бы толковать на эту тему предъ тринадцатилѣтними мальчиками и дѣвочками“ (Wagnemann, S. 48).

Послѣдователи Гарнака, подобно своему вождю, нападаютъ и на нѣкоторыя другія выраженія Апостольскаго символа. Имъ почему-то особенно не угодно выраженіе: „списшедшій во адъ“. Какая польза въ томъ — заявляетъ по поводу этого выраженія Ахелисъ, — что станемъ исповѣдовать голыя слова, когда извѣстно, что церковь совершенно равнодушна къ тому, какой смыслъ будемъ соединять съ этими словами“ (Achelis, S. 10).

Съ своей стороны Борнеманнъ, по этому же поводу пишетъ: „смысль этого факта понимался неодинаково. Одни думали, что здѣсь (во адѣ) Христосъ долгое время претерпѣвалъ адскія муки: другіе, въ числѣ ихъ и Лютеръ, утверждали, что Христосъ здѣсь ниспровергъ діавола въ его собственномъ царствѣ. Въ настоящее время мы едва ли можемъ понять, какъ можно задавать подобные вопросы, не говоря уже о томъ, есть ли возможность отвѣчать на нихъ; да и напрасно мы стали бы стараться подобныя вопросы поставить въ непосредственную связь съ нашею религіозною жизнью“ (Bornem. 48). Не обходятъ своимъ вниманіемъ критики Апостольскаго символа и выраженіе: „воскресеніе плоти“. Ахелисъ пользуется словами Лютера, который находилъ, что выраженіе это неприятно звучитъ въ нѣмецкомъ переводѣ, напоминая торговлю мясомъ на рынкѣ, который и предлагалъ замѣнить выраженіе „плоть“ словомъ „тѣло или трупъ“. Приведши замѣчанія Лютера, разсматриваемый авторъ говоритъ: „Апостольскій символъ понимаетъ воскресеніе не въ смыслѣ ап. Павла, а въ грубомъ смыслѣ Тертуліана и Августина, поэтому недостаточно замѣнять это выраженіе другимъ, но нужно измѣнить и смыслъ его“ (S. 9). Борнеманнъ къ этому добавляетъ: „выраженіе: воскресеніе плоти взято не изъ библіи и производитъ впечатлѣніе какъ будтобы дѣло идетъ о возстановленіи палей чувственной матеріи“, и затѣмъ указавъ на различія въ пониманіи слова, замѣчаетъ: „какъ можно защищать такое двусмысленное выраженіе символа“ (S. 42).

Отъ нападокъ на символъ Апостольскій нѣкоторые изъ противниковъ его обращаются къ нападкамъ на самихъ защитниковъ указаннаго символа, какъ скоро эти послѣдніе начали говорить противъ современныхъ враговъ символа— во имя своей церкви и принадлежащаго имъ церковнаго авторитета. Такъ, Прусская евангелическая церковь, какъ нами было указано выше, въ лицѣ ся высшихъ духовныхъ лицъ, обнародовала нѣсколько тезисовъ въ защиту Апостольскаго символа. Нѣкоторые изъ этихъ тезисовъ подверглись критикѣ со стороны приверженцевъ Гарнака. Если представители церковнаго авторитета въ Пруссіи заявляли, что ученіе о рожденіи Христа отъ Дѣвы есть *основаніе христіан-*

ства, то приверженцы Гарнака сочли себя не вправѣ соглашаться съ такимъ тезисомъ. Они возражали: „Позволимъ себѣ вопросъ: неужели лица, подписавшія этотъ тезисъ, состоя въ духовныхъ должностяхъ, берутъ на себя обязанность точно разъяснять для принимающихъ конфирмацію это *основаніе христіанства*, именно—ясно раскрываютъ имъ: что значить: „*зачатый* отъ Святаго Духа“, и что значить: „рожденный отъ *Дѣвы Маріи*“? Само по себѣ понятно—замѣчаютъ оппоненты,—что тѣ лица всеѣмъ этого не дѣлають. Имѣя дѣло съ приходящими для конфирмаціи, они скрываютъ подъ покрываломъ „*основаніе христіанства*“, они удовлетворяются чтеніемъ символа съ непонятной формулой, въ которой однакожь по ихъ мнѣнію заключается „основаніе христіанства“; для нихъ довольно и того, что конфирмующійся какъбы говорить: „хоть я и не понимаю „основанія христіанства“, но я согласенъ съ нимъ“. Впрочемъ не навсегда же конфирмованные остаются въ неразуміи по отношенію къ этому пункту; придетъ время, когда они узнають плотскую тайну зачатія и рожденія,—и тогда „основаніе христіанства“ для нихъ станетъ понятнымъ. А если же такого времени для нихъ не наступитъ, если они преждевременно умрутъ или, благодаря Бога, (Gott sei Dank) останутся на всю жизнь дѣвственниками, такъ что не будутъ имѣть ни плотскаго вожделѣнія, ни плотскаго опыта, въ такомъ случаѣ они конечно никогда не постигнутъ, въ чемъ заключается „основаніе христіанства“, которое однакожь должно составлять ихъ единственное утѣшеніе въ животѣ и смерти. Ist es so? wirklich so“? Заключаютъ съ торжествующей ироніей свою діатрибу противники символа (Achelis, S. 35). Къ этому еще они же добавляють: „въ двухъ рассказахъ о дѣтствѣ Иисуса (именно Лук. 1, 31 и Матѣ. 1, 22 и дал.) мессіанское достоинство Христа поставляется въ связь съ неповѣданіемъ: „зачатый отъ Свят. Духа и рожденный отъ Маріи Дѣвы“. Весь же остальной Новый Завѣтъ ничего не знаетъ ни о такой связи, ни о соотношеніи между вочеловѣченіемъ Сына Божія и сверхъестественнымъ зачатіемъ и дѣвственнымъ рожденіемъ Господа. Таково положеніе вещей; и при всемъ томъ еще находятся люди, которые велухъ всѣхъ объявляютъ, что „зачатіе отъ Духа и рожденіе отъ Маріи

Дѣвы“ служить необходимымъ ручательствомъ Божественнаго достоинства Сына Божія, столь необходимымъ, что здѣсь полагаютъ и самое „основаніе христіанства“? (ibid. 36) ¹⁾). Не оставляютъ безъ соответствующихъ замѣчаній противники символа и еще одного тезиса, обнародованнаго отъ лица высшихъ церковныхъ органовъ Пруссіи. Въ заявленіи этихъ послѣднихъ говорилось: „всякая попытка отмѣнить Апостольскій символъ въ церковной практикѣ есть ударъ въ лице церкви Христовой“. Оппоненты по этому поводу говорятъ: не станемъ спорить о самой фразѣ, хотя она и не соответствуетъ достоинству того предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Замѣтимъ только, что составители заявленія не имѣютъ никакого права, ни юридическаго, ни моральнаго, отлучать всю греческую церковь отъ „церкви Христовой“. Ибо извѣстно, что во всей греческой церкви ни въ какое время не былъ принимаемъ Апостольскій символъ; и слѣдовательно она при такой „попыткѣ“ совсѣмъ не ощущала „удара въ лице“. (ibid. S. 38).

Мы сказали выше, что критика содержанія Апостольскаго символа приверженцами Гарнака представляетъ мало новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано по этой части самимъ Гарнакомъ. Приведенные примѣры ихъ критическихъ операцій въ указанномъ отношеніи, надѣемся, вполнѣ подтверждаютъ наше преждевысказанное сужденіе. Больше новаго удалось высказать приверженцамъ Гарнака, когда они въ своихъ, посвященныхъ злобѣ дня, произведеніяхъ касаются такихъ вопросовъ, которые мало интересовали ихъ вождя. Разумѣемъ вопросы о томъ: грозитъ ли какою-либо опасностію для протестантской церкви отмѣна символа, если бы такая отмѣна произошла? Могли ли бы члены протестантской церкви извлечь какую-либо пользу для себя, вслѣдствіе такой отмѣны? Положимъ, что рѣшеніе такихъ вопросовъ не легко. Но тѣмъ не менѣе интересно узнать, какъ смотрятъ на это дѣло лица, которыя желали бы подобной отмѣны символа.

¹⁾ Нужно сказать, что по поводу разсматриваемаго тезиса дѣлалъ краткія замѣчанія и Гарнакъ. Онъ утверждалъ, что „основаніемъ христіанства“ нужно считать не вѣру въ рожденіе Христа отъ Дѣвы, а вѣру въ Его „богочеловѣчество“ (S. 39).

Противники символа собираютъ факты, которые должны удостовѣрять, что употребленіе Апостольскаго символа въ протестантскомъ мірѣ никогда не было общеобязательнымъ. „До середины текущаго столѣтія—увѣряетъ Борнеманнъ—Апостольскій символъ во многихъ нѣмецко-евангелическихъ церквахъ не читался за воскреснымъ богослуженіемъ. При самомъ совершеніи крещенія, какъ свидѣлствуютъ агенды конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, этотъ символъ или совсѣмъ не употреблялся, или же употреблялся въ сильно измѣненномъ видѣ. Даже и въ настоящее время тотъ же символъ не вездѣ примѣняется къ практикѣ въ протестантскихъ обществахъ. Такъ въ Швейцаріи при крещеніи читается не символъ Апостольскій, а другая формула. Въ королевствѣ Саксонскомъ въ протестантскихъ церквахъ за воскреснымъ богослуженіемъ Апостольскій символъ не принято читать. Въмѣсто этого символа здѣсь употребляется или свободное переложеніе содержанія этого символа, сдѣланное Лютеромъ, или какой-либо еще символъ. Легко убѣдиться—замѣчаетъ авторъ—что церковное употребленіе Апостольскаго символа никогда не было ни всеобщимъ, ни прочнымъ, а разнообразилось оно смотря по мѣсту и времени“. (S. 37—38). Выводъ отсюда самъ собою понятенъ.

Другіе противники символа доказываютъ или стараются доказывать, что вообще держаться опредѣленныхъ строго формулированныхъ вѣроизложеній нѣтъ ни нужды, ни пользы. Баттенбергъ заявляетъ: „еслибы Христіанство стояло въ зависимости отъ необходимости согласоваться съ догматикой (т. е. опредѣленно формулированную христіанскую истину), тогда бы самъ Христосъ письменю изложилъ ее. Но и слѣда нѣтъ ничего такого! Христосъ не формулировалъ въ строгомъ смыслѣ этого слова — ни одной истины“ (! S. 10). Ахелисъ полагаетъ, что не было бы никакого вреда для церкви, еслибы обязательное исповѣданіе вѣры сведено было до послѣдняго минимума. „Прежде всего разкажу небольшую исторію — говоритъ Ахелисъ,—которую я прочелъ въ проповѣди Спуржона. Молодой пастухъ, выросшій безо всякаго образованія и воспитанія, былъ ознакомленъ съ христіанствомъ какимъ-то баптистическимъ проповѣдникомъ. Онъ пришелъ къ Спуржону или

другому проповѣднику и просилъ принять его въ церковь. Проповѣдникъ спросилъ его: считаетъ ли онъ за истину вѣрованія церкви? Спрашиваемый на это отвѣтилъ: я ничего не знаю объ такихъ вѣрованіяхъ, я знаю только, что я грѣшникъ и что Господь Иисусъ помилуетъ меня. Но проповѣдникъ не удовлетворился такимъ отвѣтомъ и сталъ спрашивать его: въ чемъ заключается то или другое вѣрованіе, — кто есть Господь Иисусъ, — какой путь ведетъ къ спасенію? Но отвѣтъ былъ тотъ же: я ничего не знаю, знаю только, что я грѣшникъ и что Господь Иисусъ помилуетъ меня. При чемъ настухъ былъ, при томъ онъ и остался, а пресвитерій разсудительно согласился съ проповѣдникомъ, что молодой настухъ достоинъ принятія въ баптистическую общину, почему и былъ крещенъ. Эта исторія — замѣчаетъ авторъ, — которую я давно читалъ, оставила во мнѣ глубокое впечатлѣніе и всегда къ ней возвращается моя мысль, когда я раздумываю о церковныхъ затрудненіяхъ нашихъ дней. Въ чемъ заключалось наученіе молодого настуха? Онъ имѣлъ только вѣру въ евангельскомъ смыслѣ слова, вѣру далекую отъ всякаго знанія, всякой теологіи, всякаго ученія“. Какой практический выводъ можно сдѣлать изъ этой исторіи съ настухомъ? А вотъ какой. По сужденію Ахеліса отъ кандидата на должность протестантскаго пастора нужно спрашивать единственно слѣдующаго: 1) „держится ли онъ вѣры, понимаемой въ евангельскомъ смыслѣ, т. е. станетъ ли онъ требовать не больше того, что потребовалось отъ вышеуказаннаго настуха: знаешь ли ты, что ты грѣшникъ и что Господь можетъ тебя помиловать? 2) признаетъ ли кандидатъ на церковную должность, что въ символахъ церкви заключается та вѣра, которая насъ спасаетъ, хотя бы эта вѣра выражена была въ формѣ, отвѣчающей лишь условіямъ прошедшаго времени, когда возникли символы? 3) Соглашается ли кандидатъ съ конфессіональнымъ міровоззрѣніемъ той церкви, на службу которой онъ поступаетъ, и желаетъ ли онъ слѣдовать учрежденіямъ этой же церкви, поскольку они не нарушаютъ вѣры? Вотъ, что должно быть обязательно для ищущаго духовной должности, но это обязательство не юридическое, а духовно-правственное“. (Achelis. 17 -18. 30). Фонъ-Зоденъ идетъ еще дальше и находитъ,

что символы совѣтъ не достигаютъ тѣхъ цѣлей, которыя имѣются въ виду церковно. Объ этомъ авторъ разсуждаетъ очень подробно. Онъ пишетъ: „если взглядемъ точнѣе, то увидимъ, что Апостольскій символъ служитъ скорѣе шлагбаумомъ (преградой), чѣмъ объединяющею связью, такъ какъ о находящихся въ немъ изреченіяхъ многіе думаютъ различно. Если же этотъ символъ не имѣетъ достаточно силы для того, чтобы установить связь единенія между отдѣльными христіанами, — а это несомнѣнно — то падаетъ главное основаніе, почему должны были бы заботиться о его неприкосновенности и почитать отпаденіемъ отъ вѣры всякое несогласіе съ тѣмъ или другимъ членомъ этого символа. Не можетъ служить защитой этого символа и то, если для всѣхъ его членовъ будутъ найдены параллели въ новозавѣтныхъ Писаніяхъ; потому что все же можетъ оставаться вопросомъ: да вся ли сумма христіанской вѣры заключена въ его 12 членахъ“? Затѣмъ авторъ находитъ, что всякое строго-формулированное вѣроизложеніе приносить прямой вредъ. „Каждый человекъ опытный по части церковной жизни согласится—говоритъ Фонтъ-Зоденъ — съ тѣмъ положеніемъ, что обладаніе такимъ формулированіемъ вѣры, которое составлено разъ--на-всегда и которое изъито отъ споровъ, скрываетъ въ себѣ, хотя бы оно было и абсолютно правильно, великія опасности и некушенія. Въ подобномъ случаѣ очень легко символъ вѣры занимаетъ мѣсто самой вѣры (?). Это одна опасность. Другая опасность заключается въ томъ, что однажды на-всегда запечатлѣнная формула, мало-по-малу теряетъ свою живую силу. Если тѣ поколѣнія, когда возникла формула, дорожатъ ею, какъ духовнымъ приобрѣтеніемъ, то не такою она становится для позднѣйшихъ поколѣній. Интересы мѣняются, углы зрѣнія и перенективы перемѣщаются. Что для однихъ было близко, то для другихъ стало далеко. Такъ, было время, когда съ представленіемъ о „зачатомъ отъ Св. Духа и рожденномъ отъ Маріи Дѣвы“ предъ глазами возставали необыкновенная чистота и слава Христа. Теперь же, проповѣдники едва ли возбудить бы въ своихъ слушателяхъ расположеніе, соответственное празднику Рождества Христова, если бы сталъ разсуждать о лицѣ Иисуса, становясь на ту же точку зрѣнія (?). А равно и проповѣдь о воскресеніи плоти только

развѣ немногимъ доставить особенное утѣшеніе. При настоящемъ положеніи вещей, мы стоимъ близко отъ искушенія въ непонятномъ искать возвышенное, или же торжественно исповѣдовать то, о чемъ нельзя составить никакого представленія. Здѣсь уже мы не далеко отъ богохульства (Blasphemie). Не слѣдуетъ выпускать изъ вниманія и того, говоритъ еще авторь,—что для подвижнаго человѣческаго духа интересъ къ предмету быстро исчезаетъ, какъ скоро извѣстный предметъ принялъ такую форму, которая болѣе не требуетъ никакой дальнѣйшей обработки“ (Von Soden, S. 14—18).

Между противниками символа Апостольскаго есть и такіе, которые приверженность къ этому символу или къ какому-бы то ни было вѣроизложенію объявляютъ измѣной свободнымъ началамъ реформациі, пизводящей протестантовъ къ темнымъ Среднимъ вѣкамъ съ ихъ католицизмомъ (Анонимъ. Das Apost. Glaub. S. 24—25).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что приверженцы партіи Гарнака въ своихъ разсужденіяхъ объ отмѣнѣ Апостольскаго символа простираются нѣсколько дальше тѣхъ границъ, которыхъ держится самъ Гарнакъ.

Теперь намъ слѣдуетъ ознакомиться съ выраженными въ печати воззрѣніями защитниковъ символа и противниковъ Гарнака. Этимъ далѣе и займемся. Считаемо дѣломъ справедливости напередъ замѣтить, что полемика защитниковъ символа и многостороння и убѣдительна.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Лебедевъ.